УДК 902

ГРЕКО-АРИЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ 3. БОЕВЫЕ МЕЧИ ВОИНОВ МИКЕНСКОЙ ГРЕЦИИ И ВЕДИЙСКОЙ ИНДИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. ДО Н. Э.

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2024 г.

Аннотация: *изучение проблемы греко-арийских сходств в настоящее время является не только предметом исследования в компаративистике. Греко-арийские параллели обнаружены археологически и в памятниках материальной культуры населения Древней Греции и Древней Индии первой половины II тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют раскопки захоронений микенских воинов в Арголиде (Греция) и феноменальные по своему значению результаты исследований воинских погребений с колесницами в Санаули (Индия). В погребальном инвентаре далеко отстоящих друг от друга по расстоянию могильниках Балканской Греции и Северо-Западной Индии археологами выявлены сходные по конструкции типы боевых мечей, свидетельствующие в пользу общности исторических судеб носителей двух разных культур эпохи средней и поздней бронзы.*

Ключевые слова: *греки, индийцы, фракийцы, фригийцы, Средний бронзовый век (СБВ), Поздний бронзовый век (ПБВ), Среднеэлладский период (СЭ), Позднеэлладский период (ПЭ), архнеологическая культура и культурные общности (Средний Стог II, Новоданиловская, Ямная, Катакомбная, Абашевская (Бабинская)).*

Abstract: *the study of the problem of Greco-Aryan similarities is currently not only the subject of research in comparative studies. Greco-Aryan parallels have been found archaeologically and in the monuments of the material culture of the population of Ancient Greece and Ancient India in the first half of the II millennium BC. This is evidenced by the excavations of the graves of Mycenaean warriors in Argolis (Greece) and the phenomenal results of research on military burials with chariots in Sanauli (India). In the burial inventory of the burial grounds of Balkan Greece and Northwestern India, which are far apart in distance, archaeologists have identified types of combat swords similar in design, testifying to the commonality of the historical destinies of the bearers of two different cultures of the Middle and Late Bronze Age.*

Key words: *Greeks, Indians, Thracians, Phrygians, Middle Bronze Age (SB C), Late Bronze Age (PB C), Middle Helladic Period (SE), Late Helladic period (PE), Archneological culture and cultural communities (Middle Stack II, Novodanilovskaya, Yamnaya, Catacomb, Abashevskaya (Babinskaya)).*

В изучении проблемы этногенеза древних греков, наряду с информацией, отложившейся в их мифах, произведениях античных авторов, свидетельствами эпиграфики и иконографических источников, важное значение приобретают данные археологии. С точки зрения выявления этнокультурных параллелей между древними греками (протогреками) и ведийскими ариями они, особенно в самое последнее время, пополнились новыми фактами. В Греции и Индии (Пилос, Санаули) были открыты погребения воинов, вооружение которых засвидетельствовало идентичность своих наборов данным Ригведы и «Илиады» Гомера. Особенно показательным является сходство типологии боевых мечей, датировка которых носит синхронный характер (1600–1450 гг. до н. э.). Иными словами, зарубежными археологами в научный оборот введены источники, указывающие на возможность их использования в обосновании тезиса, согласно которому степь-лесостепь Центральной Евразии была прародиной носителей греко-арийской лингвокультурной общности, откуда ее носители из общего очага в смешанных составах около 2000 г. до н. э. совершили миграцию как на Балканы, так и в Северо-Западную Индию.

Памятники

1. Находки мечей в Индии (Санаули).

Раскопки могильника Санаули (обнаружен в 2004 г.) имели своим следствием выявление захоронений колесничих воинов с их колесной боевой техникой [1; 2, p. 238–239]. Они сопровождались разнообразным погребальным инвентарем обыденного и сакрального назначения, среди которого выделялись мечи с окончаниями верхних частей их клинков в форме латинской буквы V. Возраст погре-

© Писаревский Н. П., 2024

бального комплекса был определен 2100–1800 гг. до н. э. Новые исследования, проведенные в 2018 г., примерно в ста метрах от ранее раскопанного могильника, выявили еще семь захоронений другого могильника, три из которых содержали остатки колесниц, впервые выявленных в археологии Индии [3, p. 177]. Оба памятника были оставлены носителями разных археологических культур**.** Первый – населением периода Поздней Хараппы, второй – носителями культуры медных кладов и охряной керамики (далее – КМКОК)[1]. Несмотря на это, их уникальность определяется как общностью материальной культуры, так и широким многообразием черт, демонстрирующих при внимательном изучении присутствие элементов, роднящих их с курганными погребениями Восточной Европы, Балкан и Средней Азии эпохи бронзы[2].

В могильнике КМКОК умершие были захоронены в 10 ямах-шахтах в вытянутом положении на спине в ориентации по линии юго-восток – северо-запад (ЮВ – СЗ) [Ibid., p. 176]. Определено четыре типа погребений – в специальных ящиках и на специально оборудованных подстилках. Археологами было выявлено множество беспорядочно разбросанных человеческих костей, возможно, следов вторичных захоронений [5, p. 643]. Деревянные ящики напоминали обыденные кровати. Ножки этих ящиков, обитые медными пластинами с антропоморфно-растительными изображениями, были дополнительно украшены стеатитовыми вкладками. При этом способы и сам обряд захоронения в обоих могильниках были сходными по своему типу (подкурганные шахты или захоронения с насыпью) [6, p. 177]. Размеры ящиков по длине указывают на средний рост захороненных воинов – 1,63 м. К сожалению, антропология их изучена не была [3, p. 178–179].

Открытие колесниц, богатейшего и разнообразного инвентаря в захоронениях воинов определило и его трактовку: ученые дали ему название «царского некрополя». Его важнейшим признаком, как установлено раскопками, является полный комплекс вооружения колесничего воина. Вместе с деревянными ящиками – саркофагами в захоронениях воинов были выявлены остатки трех колесниц, рассчитанных, как полагают, на одного человека (одна в могиле 3 и две в могиле 6)[3]. Деревянные детали колесниц – дисковидные колеса с обеих сторон, дышло и ярмо были обшиты с использованием медных гвоздей. Днище колесничных кузовов имеет каркас из медных трубок, под ним находилась литая из меди втулка для крепления дышла, спереди над ним располагалась подставка из счетверенных медных трубок для крепления кузова и установки флагштока. Медные сдвоенные трубки с такими же штифтами и гвоздями крепления располагались также по периметру бортовой части кузова. Ось крепилась к колесу при помощи медного штифта.

Находки оружия засвидетельствовали использование воинами-колесничими мечей, примечательной особенностью которых, как уже отмечалось, выступало V-образное перекрестие[4]. К этому следует добавить и ассортимент других, весьма показательных артефактов. Среди них важно отметить присутствие в погребении 3 покрытого медью и орнаментированного клыками вепря щита, напоминающего своей формой цифру 8 (или тулово гитары), хлыста и факела, лука с костяными наконечниками стрел и боевого шлема.

Историческая интерпретация погребений Санаули, предложенная специалистами, носит противоречивый характер. М. Витцель усматривал в колесницах воинов Санаули свидетельство вторжения индоевропейских племен с Южного Урала (Синташта) [13, p. 57–58]. А. Парпола смещал исходный пункт начала их исхода до границ Бактрийско-маргианской культурной общности (БМАК) [3]. Оба зарубежных исследователя связывали мигрантов с ведийскими ариями, аристократия которых сформировала на новой родине правящую элиту общества позднехараппского населения. Напротив, отечественный ученый А. А. Семененко на тех же самых фактах высказывает убеждение, согласно которому «колесницы Санаули делают концепцию “арийского” вторжения/пере-

[1] В верховьях Сарасвати и междуречье Ямуны – Ганги на территории современных Пенджаба, Раджастана, Харьяны и Уттар-Прадеша в 2500–1500 гг. до н. э. были распространения археологической культуры охряной керамики, оставившей клады медных вещей, среди которых выделялись обоюдоострые мечи длиной 0,40–0,75 м с ребром жесткости и хвостовиком с раздвоенным антенновидным «отростком» на конце [4, с. 207].

[2] Родство проявляется как в погребальном обряде (шахтный тип могильной ямы, обкладка стен кирпичом, наличие могильного перекрытия), сходстве отдельных вещевых находок (зеркала, расчески для лошадей и др.), так и в стандартных наборах вооружения воинов из царских погребений (меч, кинжал и др.).

[3] Находки луков со стрелами и боевых копий показывают, что колесницы были рассчитаны как минимум на двух человек – возницу (sarathis) и вооруженного «до зубов» владельца колесницы (savyeshtha / savyashtha), что больше соответствует данным эпической поэзии древней Индии и Греции. Колесницы хеттов были рассчитаны на трех человек [2; 7, p. 27–28; 8, p. 23–57; 9, p. 397–399, 407; 10; 11].

[4] Находки таких мечей в Северо-Западной Индии не являются редкостью. На это указывают результаты раскопок в Фатехгархе на южном берегу Ганга, где выявлено 13 отлитых из меди обоюдоострых мечей с незначительными ребрами жесткости с ромбовидными в сечении лезвиями и прямоугольными в сечении ручками. Самая большая группа – 9 мечей была длиной до 0,68–0,78 м с короткими антенновидными «отростками» на конце хвостовиков их лезвий [2, p. 54–94; 12, p. 18–33].

селения в эти два региона из степей Евразии ничтожной» [14, с. 240][5].

Удивительно, но факт: современные специалисты не замечают того, что историческая информативность материальной культуры могильников Санаули носит совершенно определенный характер. Она показывает тождество данных археологии показаниям самого главного письменного источника по истории Древней Индии периода миграции греко-ариев – Ригведы [3, p. 175; 6, p. 176–177]. Данные ее древнейших и «фамильных» религиозных гимнов свидетельствуют об этом совершенно конкретно (V.52.17; VI.45.31; VII.18.19; X.75.5). Более того, как раз именно Ямуна (область, соответствующая Доабу – междуречью Ганга и Ямуны) ассоциируется в них с деятельностью «вооруженных собратьев» бога Рудры Марутов (V.52.16–17). Маруты – колесничие, и им посвящено 33 гимна, среди которых есть и самые древние (III.54.13; V.52.9; V.53.2, 4–5, 10 и др.; VII.56.21; VIII.7.28; VIII.20.10, 12; 84). Среди них также упоминаются лучники (I.64.10; I.87.6; I.172.2; I.186.9; V.53.4; V.57.2; V.87.5; VII.56.11; VIII.20.12; X.84.1), возницы (I.37.3; I.168.4; V.54.11) и воины со щитами (I.85.12; X.78.3). Колесница марутов является пароконной с двумя членами экипажа. Она украшена изображениями солнечного сияния, раздробленного по поверхности мозаикой светящихся всеми цветами радуги искр (V.54.11; V.56.8–9; VI.50.5; VI.66.6). Иными словами, элементы колесниц, отображенные в погребениях воинов могильника Санаули, полностью подпадают под эти древние свидетельства. Показателями этого является украшающий многочисленные колесные спицы солярный орнамент, как и присутствие «антеннообразных мечей», отпечатков лука, костяных наконечников стрел.

Боевые мечи воинского погребения Пилоса (Греция)

Толосное погребение с камерой «воина-грифона» было открыто в 2015 г. в Пилосе (Мессения) неподалеку от более позднего по времени дворца Нестора сотрудниками департамента классической филологии университета Цинцинатти (США) под руководством Ш. Стокер и Д. Дэвиса [15, p. 211–250].

Свое название памятник получил по табличке из слоновой кости с изображением грифона на фоне скалы, обнаруженной в саркофаге. Погребальное сооружение датируется ПЭ IIA временем (1450 г. до н. э.). Оно расположено поблизости от гробницы (толоса IV), раскопанной еще в 1953 г. У. Тэйлором в составе экспедиции К. Блегена, изучавшей руины дворца гомеровского Нестора. Последняя была много старше и использовалась, как показали исследования, для коллективных захоронений аристократией Пилоса с 1650 по 1425 г. до н. э. [Ibid., p. 212].

Воин-грифон был похоронен на боку в вытянутом положении. Ориентация костяка была обычной для шахтных гробниц – с севера на юг (С – Ю). Погребение имело габариты 2,50 × 1,20 × 1,50 м. Рост воина составлял приблизительно 1,7 м. Возраст мужчины был установлен в 30–35 лет. Он был помещен в деревянный саркофаг, который покоился на земляном полу, покрытом глиняной подсыпкой внутри выложенной камнем шахты длиной 2,3 м и шириной 1,1 м. Стены погребальной камеры сохранились на высоте чуть более 1,5 м. Нижний ярус частично состоял из хорошо обработанных известняковых плит, изъятых из соседних дворцовых сооружений. Над этим слоем фундамента возвышались восемь рядов бутовой кладки из сухого камня [Ibid., p. 236 et al.].

Расположение погребальных принадлежностей внутри могилы отражает обряд захоронения. Бронзовые сосуды и ювелирные изделия составляли важнейшую часть погребальных принадлежностей. Они были размещены в деревянном саркофаге и вокруг него. Оружие было помещено также внутри него с левой стороны от тела. Его сопровождали остатки бронзового защитного панциря (отдельные полосы) и россыпь сверленых бивней кабана от боевого шлема. Основная масса ювелирных изделий и драгоценных камней, золотых колец, золотого ожерелья и сниски бус находились с правой стороны погребенного. Богатый набор вещевого комплекса дополняли 8 золотых и серебряных кубков; множество бусин из сердолика, аметиста, янтаря и золота; 4 золотых кольца; более 10 маленьких резных печатей с изображениями богинь, алтарей, тростника, львов, прыгающих через быков людей; табличка из слоновой кости с изображением грифона; бронзовое зеркало с ручкой из слоновой кости. Наконец, великолепный агатовый перстень с изображением двух сражающихся воинов, в руках которого изображен меч с примечательным перекрестием в виде «усиков».

Захоронение микенского воина сохранилось в нетронутом состоянии. Это позволило, опираясь на предметы вооружения (меч, кинжал, копье, доспех и шлем), установить его статус в эпоху расцвета микенской цивилизации.

На фоне находок мечей в Санаули особое внимание из предметов вооружения Пилосской шахтной гробницы привлекает меч воина-грифона (рис. 1). Он соответствует изображенному на перстне и представляет собой клинок с V-образным перекрестием (или «с усиками») и позолоченной рукояткой и сопровождался кинжалом с рукояткой, но из золота. Более того, он относится к тому типу, который демонстрируют мечи Древней Индии (рис. 2).

[5] В этом он солидаризируется с выводами индийского археолога А. Кумара [2, p. 745, 755].

а *б*

Рис. 1. Погребение воина-грифона из Пилоса (*а*) и его меч (*б*)

Сравнительный анализ показывает хорошо просматриваемую (за исключением колесницы) близость материальной культуры воинских погребений, демонстрирующих практическое тождество в наборе типов боевого оружия. Констатация такого факта свидетельствует о появлении качественно новой информации, открывающей новые перспективы в осмыслении греко-арийских сходств и параллелей в материальной, художественной и духовной культуре двух далеко отстоящих друг от друга регионов древнего мира. Она указывает если не на родство, то на идентичность наборов материальной культуры и одинаковость предметов погребального обряда, среди которых типологическое единство типов диахронных мечей выступает самым их поразительным качеством (рис. 3) [3, p. 175–198; 16, с. 222–227; 17, p. 406; 18, p. 202–206, 209–210; 19, p. 151–179].

Понятно, почему заселение Балканского полуострова и островов Эгеиды смешанным греко-фракофригийским и индо-арийским (а возможно, и иранским) населением специалисты разных наук предпочитают рассматривать в рамках одного и того же исторического процесса [20, p. 258–260, 361–389]. Он развивался на разных этапах СБВ и ПБВ Греции (СЭ и ПЭ, 2200–1750 гг. н. э.) и имел, несмотря на существующие попытки удревнения или омоложения даты специалистами, непосредственное отношение к миграциям носителей пастушеских археологических культур Восточной Европы: Средний Стог II, Новоданиловская, Ямная, Катакомбная, Абашевская (Бабинская). Называются специалистами даже культуры Срубно-Андроновской культурной общности, носители которых развивались в условиях резких климатических изменений в Центральной Евразии в 2200–1600 гг. до н. э.[21, с. 7; 22, p. 632; 23, с. 75, 89; 24, с. 1–4; 25, с. 222–238].

Многочисленные факты сходств в погребальном обряде, архитектуре, конструкции и обустройстве могил колесничных воинов, постановка изобразительных стел на вершинах курганных насыпей, практика захоронения лошадей, родство микенских и индийских мечей (могильник Санаули), одежда и воинский доспех – тому подтверждение [3, p. 175, 187].

Рис. 2. Медные мечи 2200–1800 годов до н. э., найденные при раскопках в Санаули с «антеннами»

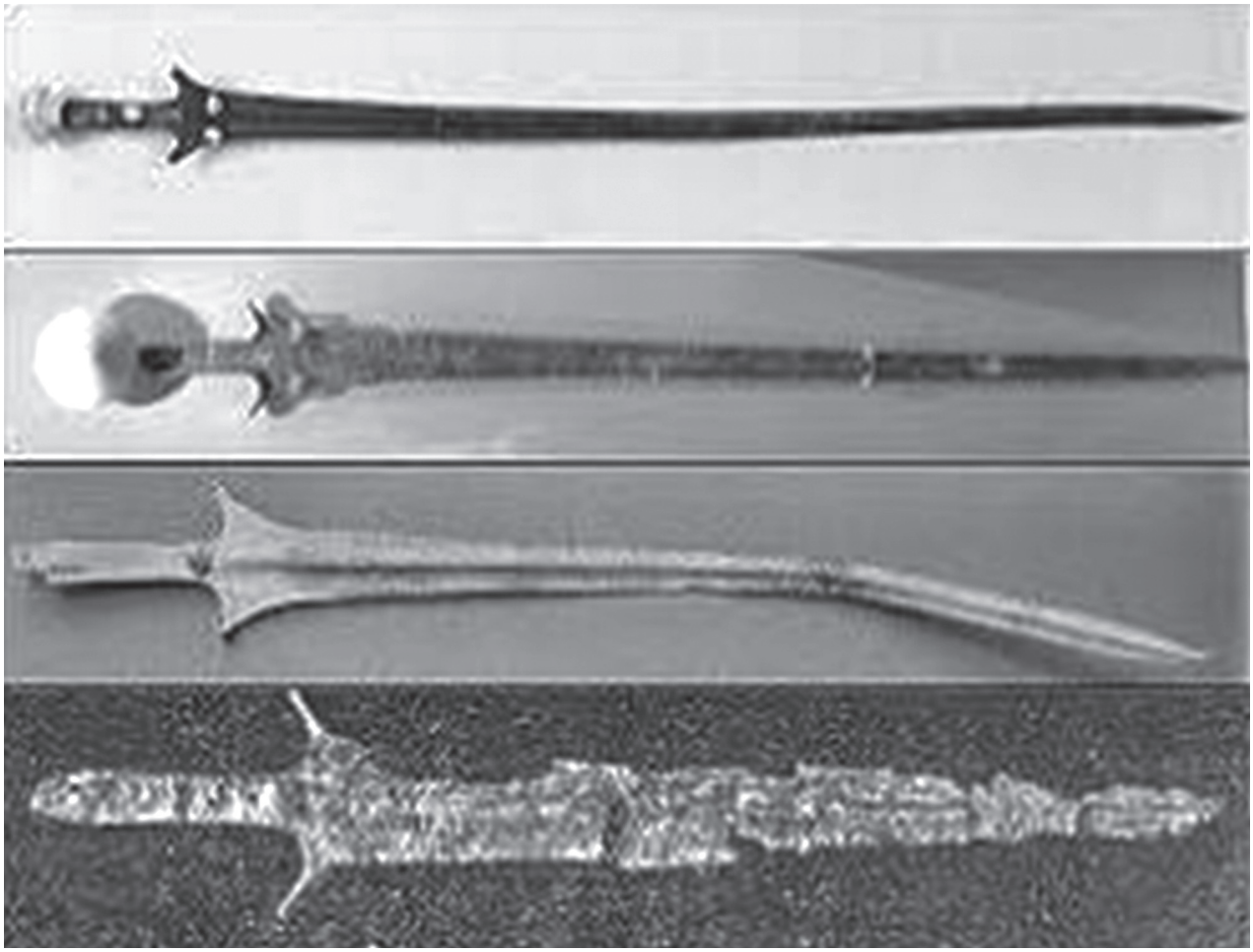

Рис. 3. Минойские и микенские мечи и меч из Индии 1600–1450 гг. до н. э.

Предполагается, что именно эти степные компоненты оказали влияние на формирование до н. э. культуры предков ведийских и авестийских ариев, древних эллинов и, возможно, присутствовавших в составе тех и других этрусков-тирсенов, контактировавших с предками кельтов, германцев, славян и балтов в период до переселения в места своего нового проживания [24, p. 6]. Последнее закономерно проявилось в единстве представлений древних греков, ариев и этрусков о расположении их прародины на Севере, обитании некогда в приполярных областях (Шветадвипа, Ариана Вайджо, Гиперборея). Это является дополнительным аргументом в пользу доказательства историчности данных античной традиции о гипербореях и Гиперборее. Они опирались на рудименты реликтовой долговременной памяти о своем далеком прошлом, генетически сохранявшейся в мифопоэтическом сознании населения Древней Греции [26, p. 431, 460, 699–712; 27, p. 295–305; 28, p. 47–48; 29, p. 6–7], в том числе и о различии диалектов первоэллинов на территории Эллады. Если иметь в виду лингвистический аспект проблемы, то Н. Н. Парцером доказано наличие двух диалектов языка греков-мигрантов на Балканы – дорийского и ионийского, что совпадает с оценками, которые в свое время были даны «отцом истории» [26, p, 431, 460].

Если иметь в виду оценки этногенеза, согласно которым истоки этноса, языка и культуры этноса носят различный характер своего происхождения (И. М. Дьяконов), то исследования последнего времени указали на возможность, во всяком случае, для древних греков, их восхождения к единому источнику. По мнению И. Лазаридиса, «греческий, армянский и санскрит восходят к скотоводам Ямной степи..., которые приблизительно 5000 лет назад положили начало цепи миграций по Евразии» [24, p. 2–3; 29, p. 5–6].

С учетом данного обстоятельства, принимая во внимание многочисленные тождества погребальных сооружений, погребального обряда микенской Греции и позднехараппской Индии времени миграции арийских племен, в пользу которых свидетельствуют воинские погребения Пилоса и Санаули, полагаем возможным возразить против тезиса, согласно которому медные мечи Санаули относятся ко времени **после создания Ригведы и Атхарваведы.** Находки

мечей, притом медных, а не из бронзы, совпадая с данными Ригведы, свидетельствуют о копировании той общей идеи, которая связывала мечи Пилоса и Санаули, а следовательно, это их качество указывает на обратную, прямо противоположную оценку. Близость указанных мечей, хронологический параллелизм их использования на Балканах и в междуречье Ямуны и Ганги, куда на следующем этапе начнется арийская миграция, свидетельствует в пользу общих истоков как двух традиций, так и культур их носителей[6].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sharma D. V.* Excavations at Sanauli 2005-06 / D. V. Sharma [et al.] // A Harappan Necropolis in the Upper Ganga–Yamuna Doab. – Puraatattva, 2006. – Vol. 36.

2. *Kumar V.* Archaeological Gazetteer of Aligarh & Hathras Districts with special reference to OCP and Other Proto-Historic Cultures of Indo-Gangetic Plains / V. Kumar // Indian Journal of Archaeology. – 2017. – Vol. 2, No. 4.

3. *Parpola A.* Royal "Chariot" burials of Sanauli near Dehli and archaeological correlates of Prehistoric Indo-Iranian languages / A. Parpola // Studia Orientalia Electronica. – 2020. – Vol. 8, Iss. 1.

4. *Семененко А. А.* Отсутствие меча в Ригведе и Атхарваведе и датировка Самхит / А. А. Семененко // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. – 2019. – Т. 46, № 2.

5. *Padhan A. K. K.* Burial Archaeology : Harappan Graves in Indiam and Need of a Policy Document / A. K. K. Padhan // Archaeology & Anthropology Open Access. – 2023. – Vol. 4, Iss. 4.

6. *Prabhakar V. N.* Possible Convergence of Historic Literature and Archaeology : Examples of Harappan Burial Practices and Customs / V. N. Prabhakar // Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology. – 2014. – Vol. 2.

7. *Chacravarti P. C.* The Art Of War In Ancient India (Thesis approved for the degree of doctor of Philosophy in the university of London) / P. C. Chacravarti. – Dakka, 1941.

8. *Singh S. D.* Ancient Indian Warfare with Special Reference to the Vedic Period / S. D. Singh. – London, 1965.

9. *Hiltebeitel A.* Empire, Invasion, and India's National Epics / A. Hiltebeitel // International Journal of Hindu Studies. – 1998. – Vol. 2, No 3.

10. *Fields N.* Bronze Age War Chariots / N. Fields. – New York : Osprey Publishing, 2008.

11. *Holmes R.* History of Chariots : 10 Types from Ancient Cultures Explained / R. Holmes // The Collector. com. – 2023. – URL: https://www.thecollector.com/history-of-chariots-cultures-types/ (дата обращения. 15.03.2023).

12. *Al Jafri N. H.* Proto-Historic Culture of India : Revisiting Ochre Coloured Pottery Culture / N. H. Al Jafri // Journal Global Values. – 2017. – Vol. VIII, No. 2. Article. 11.

13. *Witzel M.* Early «Aryans» and their neighbors outside and inside India / M. Witzel // Journal Bioscience. – 2019. – Vol. 44, Iss. 3.

14. *Семененко А. А.* Значение раскопок в Санаули для индоевропеистики / А. А. Семененко // Общество и власть : века минувшие и день сегодняшний : материалы Четырнадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 4 февраля 2020) / под общ. ред. В. Н. Глазьева. – Воронеж, 2020.

15. *Karkanas P.* The grave of the greiffin warrior at Pylos. Construction, Burial, and Aftermath / P. Karkanas // Hesperia. – 2022. – Vol. 91.

16. *Писаревский Н. П.* Ахейские цари шахтных гробниц в Микенах / Н. П. Писаревский // Власть и общество : практика взаимодействия и конфликты : материалы Девятой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2015 г.). – Воронеж, 2015.

17. *Molloy B.* Swords and Swordsmanship in the Aegean Bronze Age / B. Molloy // AJA. – 2010. – Vol. 114, No. 3.

18. *Kazansky N. N.* A Rudimentary Motif in Greek Epic (Pylos Combat Agate and the Iliad 3. 369–376) / N. N. Kazansky // Philologia Classica. – 2022. – Vol. 17, Iss. 2.

19. *Deger-Jalkotzy S.* Late Mycenaean Warrior Tombs / S. Deger-Jalkotzy // Ancient Greece. From the Mycenaean Palaces to the Age of Homer / ed. by S. Deger-Jalkotzy and I. Lemos. – Edinburgh, 2006.

20. *Antony D.* The Horse, the Wheel, and Language : How Bronze-Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World / D. Antony. – Princeton, 2007.

21. *Таиров А. Д.* Изменение климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н. э. : материалы к историческим реконструкциям / А. Д. Таиров. – Челябинск, 2003.

22. *Alexandrovskiy A. L.* Chronology of Soil Evolution and Climatic Changes in the Dry Steppe Zone of the Northern Caucasus, Russia, During the 3rd Millennium BC / A. L. Altxandrovskiy [et al.] // Radiocarbon. – 2001. – Vol. 43, Iss. 2B.

23. *Velichko A. A.* Climate changes in East Europe and Siberia at the Late Glacial-Holocene transition / A. A. Velichko [et al.] // Quaternary International. – 2002. – Vol. 91, Iss. 1.

24. *Lazaridis I.* Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe / I. Lazaridis [et al.] // Nature. – 2015. – Vol. 000.

25. *Григорьев С. А.* Проблема доместикации лошади на Ближнем Востоке в III тыс. до н. э. / С. А. Григорьев // Уфимский археологический вестник. – 2021. – Т. 21, № 2.

26. *Parcer H. N.* The Liguistic case for the Aiolian migration reconsidered / H. N. Parcer // Hesperia. – 2008.

[6] Что касается недостаточной информативности Ригведы, эпических поэм Древней Индии и Греции, то скрытые за эпическими формулами упоминания о колесницах являются показателями их обыденности в повседневной жизни. Как объекты внимания, они по этой причине не представляли для древних греков и ведийских ариев интереса. В этом смысле ситуация имеет сходство с отсутствием подробной информации о конструкции боевых колесниц и кораблей как в поэмах Гомера, так и свидетельствах античных авторов.

27. *Robbins E. I.* Heracles, the HyperboreansI and the hind. (Pind., Olymp., 3). Thalia Delighting in Song / E. I. Robbins // Phoenix. – 1982. – Vol. 36, Iss. 4.

28. *Robbins E. I.* Thalia Delighting in Song / E. I. Robbins. – Toronto, 2013.

29. *Semenov V. A.* Ethno-Cultural Interactions in Northern Eurasia in the 3rd-1st Millennia BC / V. A. Semenov // MLRK Archeologio y Museos. – 2010. – 4th of March.

Воронежский государственный университет
Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru

Voronezh State University
Pisarevsky N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archaeology and History of the Ancient World
E-mail: Pisarevskiy1@rambler.ru